

Серебряные юбилеи

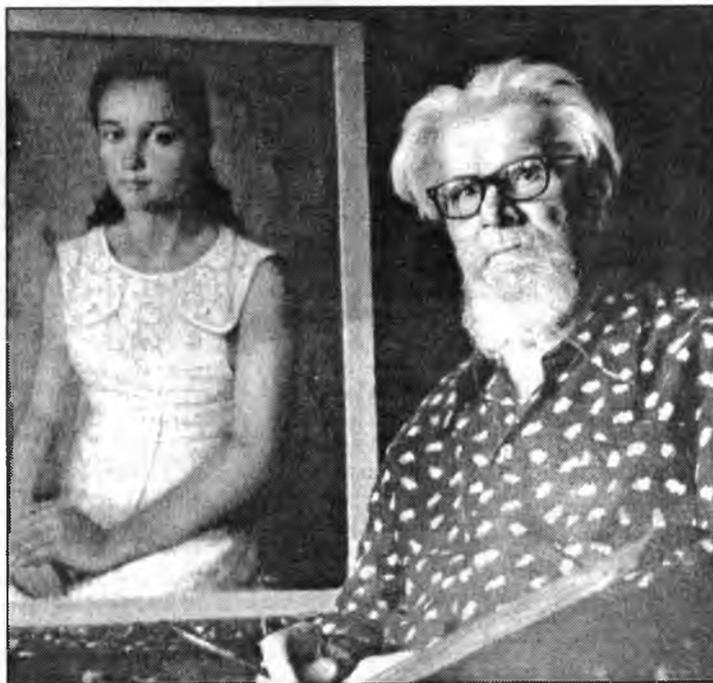
В феврале Евстафию Павловичу Шильниковскому исполнилось 110! Круглую дату отмечать летом и его здравствующей ученице, заслуженной художнице России Елизавете Тропиной. Вроде и двух юбилеев на один год довольно. Да на те же двенадцать месяцев пришлось еще 250-летие Ивана Петровича Жилина и 200-летие его сына Александра. Каждый из них в свои времена был ремесленным головой серебряного цеха Великого Устюга, а дело они знали так хорошо, что работы обоих не обошла вниманием даже Оружейная палата Кремля.

...20 лет назад я впервые приехал в Великий Устюг и сразу отправился к бодрому, несмотря на девяносто лет за плечами, Евстафию Павловичу Шильниковскому. Старый художник встретил меня у порога и тут же, извинившись, отошел ненадолго к подрамнику.

- Не удивляйтесь, - сказал он, усаживая меня за письменный стол. - От возраста одно спасение - работа. Ни на шахматы, ни на преферанс терпения не хватает, только на живопись. Говорите громче или лучше пишите вопросы, я плохо слышу после восьмидесяти...

Выпускник Петербургской Академии художеств, постигавший искусство офорта у известного в начале века графика Матэ, Евстафий Павлович вернулся в Великий Устюг в 1918 году. В Петрограде грозила голодная смерть, так что пришлось на перекладных искать спасения в родных краях. В своем городе он был единственным, кто в переполненном Мариинском театре слушал Шаялина, кто видел на сцене Анну Павлову, кто в Академии художеств внимал советам Репина и Кустодиева.

- Представляете, какой конфуз со мной приключился, - улыбувшись, вспоминает он, - покупаю на Невском году этот в девятьсот четырнадцатом журнал «Лукоморье». На обложке - Репин, на второй странице - Рерих, а за ним - работа Шильниковского. И того хватало, чтобы неделю в Акаде-

мии пальцем показывали, да за скромным офортом вашего почкорного слуги редакция умудрилась поместить еще фото скульптора Коненкова. А как я увлекся чернью? Понимаете, все тогдашние граверы по серебру рисовать, как правило, не умели, но в своем деле мастерами были величайшими.

...Секреты северной черни Евстафию Шильниковскому открыл последний хранитель ее тайн Михаил Чирков. В городе и поныне ходят легенды, что в годы гражданской войны Великий Устюг навесил проездом в Архангельск некий английский дипломат и так пленился мастерством Чиркова, что с ходу предложил британское подданство. Устюжанину был обещан контракт в 10 тысяч золотых рублей с условием передать грядущей новой родине технологию промысла, истоки кото-

рого терялись во тьме веков. Другую связанную с Чирковым загадку я встретил в залах Великоустюгского музея-заповедника. На пластинке серебра мастер изобразил легендарную морскую корову, обитавшую когда-то на Командорских островах, но в полном смысле слова подчистую съеденную купцами и мореплавателями еще в XVIII веке. С чего вдруг умельцу, никогда не покидавшему берегов Сухоны, пришло на ум воплотить безобидную морскую чуду-юду? Или слава Семена Дежнева и многих других устюжан, странствовавших по Камчатке, Аляске да Алеутским островам, навела его на мысль выгравировать эту самую корову рядом с панорамой великоустюгской набережной?!

Как бы то ни было, а Чирков для Шильниковского стал тем,

кем был Державин для Пушкина. Уходя, благословил и передал все, что знал об исконном великоустюгском промысле! И не ошибся в том, кому доверил свой резец.

С работ Шильниковского и началась новая слава северной черни.

...Даже при избытке воображения не сразу удастся разглядеть в серебряной ложке или винной чарке, вышедших из рук гравера, будущее украшение магазинных витрин. Для этого металлу предстоит еще немало метаморфоз. Серебро нужно обезжирить, тщательно очистить, обжечь... Кажется, серебро уже абсолютно стерильно, но его еще обработают нашатырным спиртом и лишь потом наносят лопаточкой чернь. Пламя горелки мигом зеленеет, выдавая содержание меди, и черневая смесь намертво сплавляется с серебром. Растекшись, заполнив углубления, оставленные резцом гравера, она образует с благородным металлом единое целое едва ли не на молекулярном уровне. Теперь металл можно ковать, изгибать, хотя едва ли это придет кому-то в голову. Чернь все равно не оставит серебра. Я пытался подсчитать операции, без которых та же чарка не попадает на стол контролера, но быстро сбился. Зато теперь не стану поеживаться, разглядев на фабричном ярлычке цену.

Сами же устюжане едят не на серебре, но родную «Северную чернь» чтят и охотно посылают туда дочерей, когда фирма объявляет набор учениц. Дело надежное, опробованное столетиями. Покупать любимым браслеты и перстни здесь тоже не забывают. Благо что не все серебро опустошительно для кошелеков. Недаром носит их едва ли не каждая вологжанка. Разумею под этим понятием не только жительниц областного центра, но и всю прекрасную половину Вологодчины.

*Олег ДЗЮБА.
Великий Устюг.
Фото автора. 1979 год.*